
МОДЕРНИЗАЦИЯ VS ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В.О. Кротков

Кафедра политологии

Московская финансово-промышленная академия

Ленинградский проспект, 80, Москва, Россия, 125190

В статье рассматривается отечественный трансформационный процесс, протекавший в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности через призму методологического подхода — теории модернизации и ее антипода — демодернизации.

Ключевые слова: политическая трансформация, модернизация, демодернизация, мобилизация, экономическая политика, политическая история России.

Любой научный анализ должен опираться на определенную методологическую базу, без которой найти эссенциальные корни тематики и сделать объективные выводы очень сложно. В статье рассматривается отечественный трансформационный процесс, протекающий в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности. Под трансформацией понимается исторический процесс, в рамках которого происходят качественные изменения социально-экономического и политического пространства и условий (состояние кризиса) его детерминирующих, выражающиеся, как правило, в существенном изменении политических институтов, экономического уклада, социальной структуры, идеологических установок, роли и характера элит в определенном государственном образовании.

Автором выделяется три основных этапа советско-российской трансформации рубежа XX—XXI веков — первый этап — советский (с 1985 по 1991 г.); второй этап — постсоветский (с 1991 по 1999 г.); третий этап — неопостсоветский (с 2000 по 2009 г.), в рамках которых происходили эпохальные социально-политические метаморфозы.

Для того чтобы глубже познать как значение каждого из этапов транзита, так и в целом весь период трансформации России, необходимо рассмотреть анализируемый двадцатипятилетний период через призму теории модернизации и ее антипода — демодернизации. Но при этом, по мнению философа Л.И. Новиковой, следует осознавать, что «возвращение к прошлому на основе социально-философского подхода во имя прогнозирования будущего, в отличие от исторической науки, не требует реконструкции исторического процесса в его полном объеме, хотя в определенной мере и опирается на него» [3. С. 6]. В то же время, как отмечает философ М.М. Федорова, рассматривая взгляды философа Ш. Монтескье: «Проект создания науки о политике и истории предполагает, что политика и история заключают в себе некую закономерность и необходимость, которую наука и призвана открыть» [4. С. 58].

В начале следует дать дефиницию понятию «модернизация». В политической теории под модернизацией «понимается совокупность процессов, — как

пишут Б.А. Исаев и Н.А. Баранов, — индустриализации, бюрократизации, секуляризации, урбанизации, ускоренного развития образования и науки, представительной политической власти, ускорения пространственной и социальной мобильности, повышения качества жизни, рационализации общественных отношений, которые ведут к формированию «современного открытого общества» в противоположность «традиционному закрытому» (См.: [10]). Историк В.Г. Хорос дает свою интерпретацию процессу модернизации: «В широком смысле слова модернизация — это переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному» [6. С. 322]. Как отмечают, в частности, ученые Г.И. Мирский и К.Л. Майданик: «Атрибутом модернизации является формирование автономно-суверенного индивида, личности как основного (первичного) субъекта общества. Правда, в различных регионах и цивилизациях формирование последнего признака протекает по-разному. В наиболее развитом виде он представлен в обществах Запада. На Востоке личность складывается в рамках того или иного типа корпорации (община, землячество, каста, расширенная семья и пр.)» [7. С. 7].

В рамках анализируемой теории ставится основной оценочный вопрос: рассматриваемая отечественная трансформация от СССР к России может ли быть идентифицирована как социально-экономическая и политическая модернизация или этот процесс носил антимодернизационный, или стагнирующий, характер? Свой недвусмысленный ответ на поставленный вопрос, рассматривая общую тенденцию протекания всех приведенных этапов социально-экономической и политической трансформации нашей страны с 1985 по 2009 г., дает политолог С.Е. Кургинян: «Колоссальной силы удар был нанесен по идентичности в конце 80-х годов прошлого века. С тех пор все движется по этим рельсам. Я не хочу сказать, что ничего нового не происходит в поезде, движущемся по этим рельсам. Я хочу сказать, что рельсы — те же. Для начала надо признать, что рельсы — те же. Если хотите, это условие № 1 на пути движения в сторону иной государственности. Надо отказаться от тезиса о «триумфальном возрождении России». Я не понимаю, кому нужен этот тезис. Он не нужен ни Путину, ни Медведеву. Он не нужен никаким сколько-нибудь державным политикам. Он не нужен патриотической элите. Он не нужен обществу. В каком-то смысле он нужен Чубайсу и Гайдару, с тем чтобы оправдать катастрофу 1990-х (мол, «той катастрофой мы закладывали нынешнее возрождение»). Что же касается наших патриотических политиков, то для них признание фундаментальной негативности нынешней ситуации скорее полезно, чем вредно. Не они отвечают за эту фундаментальную негативность, имя которой — регресс.

Регресс запущен Горбачевым и Яковлевым. Поддержан Ельциным. Путин отчасти сдержал регресс. Но сдержал, а не переломил. Для того чтобы Путин и Медведев были национальными лидерами, совершенно достаточно такой заслуги, как сдерживание регресса. Для того же, чтобы они могли кого-то на что-то мобилизовать, абсолютно необходима констатация имеющего место фундаментального негатива под названием регресс. Если нет фундаментального негатива — зачем мобилизовываться?

Никакая новая сборка не состоится без признания фундаментальной негативности нынешней ситуации. Потому что сборка требует отмены (полной или частичной) наличествующего.

Именно регресс привел к кризису идентичности, и именно кризис идентичности поддерживает регресс. Условие № 1 — признать регресс. Условие № 2 — преодолеть кризис идентичности» [2. С. 21].

Как считают некоторые исследователи, даже с высоты XXI в. достаточно сложно дать четкую оценку генезису советско-российской исторической трансформации.

«По-прежнему, — пишет А.Ю. Мельвиль, — остается дискуссионным и вопрос о том, в какой мере за фасадом режима с его иммобилизмом и своего рода ползучей делегитимизацией действительно возникали силы модернизации, порождаемые накапливаемыми социальными переменами — урбанизацией, профессиональной дифференциацией, ростом образовательного уровня, зарождением основ среднего класса в качестве носителя новых ценностей и ориентаций и др. По крайней мере, существует и иная система аргументов, согласно которым процесс, начатый перестройкой, был следствием не постепенной модернизации советского общества, а напротив, его «деволюции», «упадка» и «вымирания». По сути дела, этот принципиально важный вопрос остается открытым» (См.: [14]).

Академик РАН, социолог Т.И. Заславская интерпретирует процесс постсоциалистической трансформации как демодернизационный: «Понятно и неоспоримо, что после распада мировой социалистической системы все эти страны оказались перед модернизационным вызовом. Это ясно, но на практике трансформация большинства этих обществ пошла совершенно по другому пути — уж скорее антимодернизационному, но, во всяком случае, не модернизационному» (См.: [9]).

С точки зрения историка М.М. Садриева, в 1990-е гг. российские реформаторы пошли по пути вестернизированной модели антимодернизации, которая привела к деиндустриализации и неоархаичным формам социального бытия: «Российскими младореформаторами была допущена серьезная ошибка и в выборе модернизационной стратегии реформ. Избрав «догоняющую модель» преобразования страны, они внятно, недвусмысленно не смогли обосновать эту свою тактику. Единственной ясной аргументацией выбора западной модели реформирования у них было следующее: мы должны стать «нормальной» страной, где под нормальным понимается как раз Запад. Как показывает сегодняшняя российская реальность, модернизационная модель, внедряемая в нашу социальную жизнь, была ориентирована не вперед к технологическим и демократическим достижениям современности, а назад — на первоначальное накопление. Это отбросило Россию далеко назад, к ранним формам капитализма» (См.: [15]).

Ряд исследователей российского постсоветского транзита считают, что этот процесс не имел ничего общего с модернизацией, в первую очередь с точки зрения экономических особенностей. Эти особенности «скорее вызывают ряд поразительных параллелей, — считает профессор Колумбийского университета Р. Эрикссон, — со средневековой феодальной экономикой» [8. Р. 315].

В 1990-е гг. в России, в период постсоветской экономической трансформации, как отмечает философ В.Г. Федотова, «были отброшены достижения индуст-

риализации (без перехода к постиндустриальному обществу) путем натурализации хозяйства и демодернизации» [5. С. 239]. Или она же констатирует следующее: «Наш капитализм оказался автохтонным, местным, «диким», вернувшим архаичные формы обогащения» [5. С. 240].

Ставя вопрос о том, почему в определенные исторические моменты времени происходят форсированные модернизации, чем они обусловлены, можно в качестве ответа привести слова историка А.Б. Каменского, касающиеся реформаторства русского царя Петра I: «Действительно, Петр перевернул страну вверх тормашками, и при этом, что интересно, он практически не столкнулся со сколько-нибудь серьезным сопротивлением. Размышляя об этом, я пришел к заключению, что произошло это потому, что петровским реформам предшествовал системный кризис, системный кризис русского общества, в результате которого произошла дезорганизация политической элиты, которая в этих условиях просто не смогла составить оппозиции» (См.: [11]).

Если вывод историка А.Б. Каменского экстраполировать на историю России конца 1980-х — начала 1990-х гг., то условия, описанные им, были схожими — это касается и системного кризиса социально-экономического характера, и дезорганизации политического класса. Отсюда, по аналогии с периодом правления царя Петра I, можно предположить, что Россию, в данный исторический период, тоже ждала модернизация?

Наверное, любая историческая аналогия, в том числе и та, которая приведена выше, имеет условный характер. Думается, что объективно в конце советского этапа исторической трансформации существовала определенная потребность в масштабном модернизационном плане, но субъективно как политическая элита страны, так и общество были к этому совершенно не готовы. А в постсоветской России 1990-х гг., в условиях очевидного системного кризиса, тем более не было ни одного сколько-нибудь значимого субъекта, который мог бы осуществить модернизацию. Более того, социально-экономическая и политическая ситуация в стране была не просто кризисной, а кризис носил внутренний конфронтационный, антагонистический характер. Поэтому в данный исторический период как политический истеблишмент не хотел и не мог проводить форсированную модернизацию, так и само общество находилось в таком тяжелом состоянии, что рассчитывать на его поддержку было проблематично.

Что касается третьего — неопостсоветского — этапа исторической трансформации России, то некоторые исследователи считают, что его относительно посткризисный характер и являлся началом модернизационных преобразований. По мнению социолога О.В. Крыштановской, Президент России В.В. Путин выбрал путь развития страны, который осуществлялся с 1973 г. в Чили и развивается в XXI в. в Китае: «Когда я говорю «андроповский путь» модернизации, я имею в виду, что экономические реформы начинаются авторитарным руководством. Таким путем пытались идти несколько стран. Первым, наверное, опытом надо признать, который вошел во все учебники и получил название «модель Пиночета»: жесткая авторитарная власть плюс рыночные реформы. Потом этот путь проделывали многие страны. И самым успешным, наверное, до сих пор надо признать модель Китая» (См.: [13]).

Как считает философ И.М. Клямкин, исторический процесс можно рассматривать не с точки зрения выявления каждодневных фактов, событий и явлений, а в русле основных, определяющих ход истории, процессов. Данный подход рассматривает исторические тренды через призму именно технологических модернизаций в России. По мнению исследователя, их было три. Первая — проводилась царем Петром I с целью преодоления российского традиционализма. «Технологическая модернизация Петра, — как отмечает И.М. Клямкин, — осуществлялась милитаристскими средствами. Она была сугубо принудительной. Смысл ее заключался в том, чтобы воссоздать узкий, очень немногочисленный модернизированный слой в виде шляхетства или, как тогда оно называлось, дворянства, обучить его посредством посылки за границу, приглашения зарубежных учителей, открытия некоторых школ, прежде всего связанных с военным делом. При этом основная масса населения этой модернизацией вообще не затрагивалась.

Результатом было то, что удалось создать достаточно современную по тем временам индустрию, на порядок увеличить количество мануфактур и перейти на современный для того времени технологический уровень, прежде всего в производстве вооружения, в тех сферах, которые обслуживают непосредственно армию» (См.: [12]).

Необходимо отметить, что модель управления государством в рассматриваемый исторический период, носила во многом милитаристский характер. Действительно, модернизация царя Петра I осуществлялась экстенсивным путем и основывалась на копировании западного пути развития. Понимания и возможностей, что необходимо опираться на внутренний потенциал страны, у политической элиты не было. При оценке реформ и вообще политики российского царя Петра I, как правило, существует две полярных точки зрения. Одна — негативная, акцентирующая внимание на методах преобразований и на неоправданных жертвах со стороны населения. Другая — подчеркивает успехи Петра I во внешней политике и результатах экономической модернизации. К апологетам первого императора России относился ученый М.В. Ломоносов, который в прямом смысле слова обожествлял Петра I.

Вторая технологическая модернизация России проходила в конце XIX в., при двух последних монархах династии Романовых — Александре III и Николае II, в которой одну из важных ролей играл министр финансов страны С.Ю. Витте.

Как считает философ И.М. Клямкин: «Она не была принудительной и милитаристской, как при Петре. Но она имела с петровской то общее, что тоже осуществлялась государством. Государство было единственным субъектом этой модернизации. И она тоже распространялась на меньшинство населения. Она практически не распространялась на деревню, что, в конце концов, и взорвало страну. Осуществлялась она за счет двух источников: привлечения иностранного капитала и вывоза хлеба по принципу «не доедим, но вывезем». При Александре III и Витте действительно осуществлялась технологическая модернизация, создавались действительно новые отрасли промышленности, повторяю, опять-таки заимствованные за рубежом. И это можно было делать. Потому что было известно, что оттуда нужно было брать. Вот это надо было взять: нефтяную

и прочие отрасли промышленности, металлургию — перенести ее сюда и здесь развивать.

В результате совершенно провалилась деревня. В конце XIX — начале XX в. аграрное перенаселение составляло 32 млн человек (то есть было лишних), это 56% всего крестьянства были лишними. То есть та индустриализация, которая проводилась, частично поглощала деревню, но в очень незначительной степени. В результате та превращалась в котел с горючей смесью и не могла рано или поздно не взорваться, просто Александр III до этого не дожил. А Витте где-то на рубеже веков начал это понимать, фактически признал ошибочность своего первоначального плана по поводу того, что через промышленность можно модернизировать и деревню. Деревня была в предельно архаичном состоянии. Приведу только две цифры. Урожайность зерновых в России в этот период была на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в Англии в XIII в., и если за примерно 600 лет в Англии она возросла в 3 раза, то в России осталась за этот период неизменной. Этот модернизационный импульс, заданный еще Петром и потом продолжавшийся, практически во семьдесят с лишним процентов населения не затрагивал» (См.: [12]). Историк В.Г. Хорос, причисляя Россию ко второму эшелону стран, осуществляющих процесс модернизации, делает следующие выводы: «Особенность процесса модернизации во втором эшелоне — повышенная роль государства. Стадия классической свободной конкуренции здесь как бы пропусклась, ее место занимал своеобразный «государственный капитализм», активное насаждение «сверху» крупной промышленности, банковских учреждений, строительство железных дорог. Однако при этом роль государства оказывалась двойственной. Давая толчок освоению технико-организационных форм более развитых стран, оно одновременно нередко консервировало традиционные политические институты, тормозило процесс демократизации и становления гражданского общества» [6. С. 330—331].

Все модернизации в условиях самодержавия проводились не комплексно, экстенсивно, с немалыми жертвами, волонтаристским путем и приводили к тому, что российская экономика только частично решала задачи, которые требовало само время. После октября 1917 г., когда большевики пришли к политической власти, перед Россией опять встала основная задача, связанная с модернизацией экономики, социальной сферы и проведением политики урбанизации. И выполнение этой задачи осуществлялось под руководством главы советского государства И.В. Сталина.

«Это было возвращение, — по мнению И.М. Клямкина, — к военной модели модернизации, форсированной, очень быстрой. Суть ее была той же, она осуществлялась государством. Впервые за счет форсированной индустриализации модернизация коснулась большинства населения, которое перешло в города. Очень быстрый рост: с примерно 17% городское население возросло до половины.

Эта модернизация тоже была экстенсивной. Она тоже перевела экстенсивность на новый технологический уровень. Но, учитывая темпы развития в XX в., в принципе, она устарела уже через 20—25 лет, и после смерти Сталина его преемники — и Булганин, и Хрущев — говорили о том, что мы отстаем не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, и в науке. Эта сталинская система также не создавала никаких импульсов и стимулов для собственных инноваций.

В 30-е гг. за рубежом было закуплено 30 тыс. станков. О том, что это так, можно судить, в частности, по одному из писем Капицы Сталину в 1952 г., где он писал о том, что практически по всем направлениям советские наука и техника отстают от западной, а в тех случаях, когда в Советском Союзе раньше появляются новые перспективные направления, они блокируются. Так было, например, с радиолокацией, когда потом пришлось покупать радары у англичан в 1940 г.

В условиях, когда все инновации идут от государства, оно боится взять на себя те риски, которые в предпринимательской экономике берет на себя частный сектор. В результате и происходило то, о чем писал Сталину Капица» (См.: [12]).

После смерти И.В. Сталина существовала потребность в проведении четвертой модернизации, но она так и не была проведена до сих пор. Все три описанные отечественные технологические модернизации — «петровская», конца XIX в. и «сталинская», по большому счету, нельзя сказать, что были неэффективными (сталинское послевоенное «экономическое чудо» резко контрастирует со стремительной деградацией российской экономики и науки 1990-х — 2000-х гг.). Но главный их недостаток заключался в том, что они, хотя и создавали инновационный технологический задел на будущее, на многие десятилетия вперед, делали это недостаточно диверсифицировано и эффективно. Это произошло во многом потому, что единственным субъектом их осуществления было государство в лице своего лидера и аппарата.

Да, государство является самым могущественным (с точки зрения ресурсов) субъектом, но оно одно, как показала практика, гибко и эффективно адаптироваться под политико-экономические реалии может не всегда. Оно очень неповоротливо, громоздко, инерционно в своем развитии. Если бы государственная воля была совмещена с частной инициативой различных предпринимательских акторов, как, в общем-то, происходило на Западе, тогда эффективность, инновационность были бы намного выше и, главное, перспективность такой модернизационной политики позволила бы создать более серьезный во временном плане задел на будущее. Но, к примеру, в СССР 30-х гг. прошлого века никаких альтернативных государству экономических субъектов в принципе не существовало.

Если рассматривать общий вектор развития истории в контексте модернизации применительно к России (СССР), то в целом, чтобы подняться с задворков истории, как российские цари Петр I и Александр III, так и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин (в определенной степени опиравшийся на политику В.И. Ленина, которая в рамках НЭПа была вынуждена учитывать вызовы и реакции со стороны общества, а также экономические факторы и закономерности) выполнили исторические задачи. К примеру, в результате сталинской модернизации, как пишет историк В.И. Котов, «к концу 40-х годов уровень развития экономики ранее отсталых окраин России в значительной степени выровнялся. Доказательством тому служат данные о темпах роста общего объема промышленной продукции в регионах. По данным за 1913—1940 гг. в пяти из восьми республик Востока этот показатель превышал общесоюзный в 7,7 раз. В Казахстане он равнялся 7,8, в Армении — 8,7, в Таджикистане — 8,8, в Киргизии — 9,9, в Грузии — 10,0» [1. С. 115].

Особенностью модернизации экономики является выбор методов и инструментария, которые в спокойных или стагнирующих исторических условиях не применяются. Поскольку модернизации часто обусловлены ответной реакцией на кризисные или катастрофические явления, то в такие периоды в российской истории происходило следующее: политическая элита, обладая необходимой информацией, рационально понимала, что нужно совершить экономический рывок, который станет фактором выживания и дальнейшего поступательного развития как для нее самой, так и для общества в целом.

Общество (различные социальные группы), как правило, рационально мало что понимало в такой ситуации в силу или собственной безграмотности, или отсутствия необходимой информации, или иных факторов. Складывающиеся социально-политические отношения приводили к тому, что политический истеблишмент, применяя властные ресурсы, осуществлял не просто эксплуатацию подданных, как прежде, а применял методы насилия над обществом, чтобы с помощью него осуществить кардинальные преобразования.

Российское общество практически никогда не было самостоятельным субъектом, влияющим на политику в стране. Более того, оно играло роль средства, социального тарана, с помощью которого происходили метаморфозы в сфере политической власти.

Но период модернизации государства резко обострял противоречия между политической элитой и обществом. В рассматриваемый исторический момент властной элите необходимо было направлять мощную социальную силу в такое русло, в котором бы беспрекословно исполнялись все приказы «верхов» и в рамках которого приводилась бы модернизация или радикальное реформирование страны, в противном случае — мобилизованные социальные пласты могли резко развернуться в обратную сторону и свой социальный потенциал направить против правящего истеблишмента.

В анализируемом процессе риски и издержки очень высоки. В такие исторические периоды времени «социальные издержки» измеряются человеческими жизнями, которые в России, по большому счету, никто не считал и не учитывал. Этот факт являлся ценой преобразований, какими бы благими намерениями они не сопровождалась. Это, своего рода, логика отечественного социально-политического бытия. С другой стороны, рассмотрев подобного рода преобразования, можно констатировать, что благодаря технологическим модернизациям Россия, особенно в экономическом плане, резко шагнула вперед.

В анализируемом контексте происходила следующая ситуация: социальные (человеческие) издержки в определенной степени компенсировались успехами экономического плана, которые впоследствии положительно влияли на уровень материального положения следующего поколения. Думается, что без социальных проблем, в том числе человеческих потерь, не развивается ни одно государство, даже когда оно находится в спокойном и сбалансированном состоянии. Поэтому к любым реформам и модернизациям необходимо относиться диалектически, учитывая все факторы, методы, исторический контекст, а главное — обращая вни-

мание на результаты преобразований, которые показывает история. Наверное, формула философа Н. Макиавелли — цель оправдывает средства — в целом приемлема для исторического процесса при условии, что цель позитивна и необходима.

Теперь можно резюмировать вышесказанное, затрагивающее теорию модернизации. Весь анализируемый трансформационный исторический период, состоящий из трех основных этапов, думается, нельзя считать модернизационным, развивающимся периодом, так как первый его этап — советский — проходил в условиях социально-экономического и политического кризиса, апогеем которого стало разрушение советской государственности. Второй этап — постсоветский — также проходил на фоне не менее тяжелого, чем предыдущий, кризиса, с той лишь разницей, что не произошло дальнейшего территориального распада государства. Современный третий этап — неопостсоветский, за десять лет своего развития смог лишь притормозить кризисные процессы и явления в обществе и государстве, но преодолеть их пока не удалось, в первую очередь в экономической (не осуществлены ни диверсификация, ни техническое переоснащение основных производственных фондов) и социальной (не преодолена негативная демографическая тенденция, не решена проблема массовой бедности и нищеты граждан) сферах. В определенной степени положительная тенденция в отличие от первых двух этапов трансформации наметилась в политической сфере, — это консолидация и централизация государственной власти. Но в то же время не решены ключевые проблемы коррумпированности и забюрократизированности государственного аппарата. Поэтому можно сделать общий вывод о том, что существовало основное противоречие — между объективно стоящей перед Россией потребностью, обусловленной внешними и внутренними факторами в серьезных модернизационных мерах, прежде всего социального, экономического и технологического характера, и наличием основного субъекта модернизационных преобразований с необходимыми ресурсными возможностями и четким планом действий. По всем основным показателям процесса модернизации за весь 25-летний трансформационный исторический период практически ни один из них не получил должного уровня развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Котов В.И.* Каким же государством был Советский Союз // *Россия*. — 1995. — № 11—12.
- [2] *Кургинян С.Е.* Вернуться в историю // *Профиль*. — 2008. — № 34/15.
- [3] *Новикова Л.И.* Методологические основания социально-исторического моделирования // *Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. Российские ритмы социальной истории*. — М.: ИФ РАН, 2004.
- [4] *Федорова М.М.* Шарль Луи Монтескье // *Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII—XIX вв.)* / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. — М.: ИФ РАН, 2004.
- [5] *Федотова В.Г.* Вызовы левым взглядам и их трансформация // *Исторические судьбы социализма*. — М.: ИФ РАН, 2004.
- [6] *Хорос В.Г.* Модернизация как общемировой процесс // *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия* / Отв. ред. сост. А.Д. Воскресенский. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

- [7] *Хорос В.Г., Мирский Г.И., Майданик К.Л.* и др. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. — М.: Наука, 1996.
- [8] *Ericson R.* Does Russia Have a «Market Economy?» // *East European Politics and Society*. — Vol. 15. — № 2.
- [9] *Заславская Т.И.* Человеческий фактор в трансформации российского общества. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/13/zaslavskaya.html>
- [10] *Исаев Б.А., Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2007. URL: <http://nicbar.narod.ru/Spetskurs.htm>
- [11] *Каменский А.Б.* Реформы в России с точки зрения историка. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/17/kamensk.html>
- [12] *Клямкин И.М.* Приказ и закон. Проблема модернизации России. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2006/04/27/kljamkin.html>
- [13] *Крыштановская О.В.* Российская элита на переходе. URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/07/31/rus_elita.html
- [14] *Мельвил А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>
- [15] *Садриев М.М.* Социально-политические корни постсоветского либерализма. URL: http://vatandash.bashedu.ru/vatandash_www/06_01/51.htm

MODERNIZATION VS DEMODERNIZATION AS THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS OF TRANSFORMATIONAL PROCESS

V.O. Krotkov

The Department of Political Science
Moscow Academy of Finance and Industry Education
Leningradskiy pr-t, 80, Moscow, Russia, 125190

In the article is considered domestic transformational process proceeding in social, economic and political spheres, through a prism of the following methodological approaches: theories of modernization and its antipode — demodernization.

Key words: political transformation, modernization, demodernization, mobilization, economical policy, political history of Russia.